

РУССКИЙ ОРДЕР:
АРХИТЕКТУРА,
СЧАСТЬЕ
И ПОРЯДОК

МАКСИМ
ТРУДОЛЮБОВ

Максим Трудолюбов

**Русский ордер: архитектура,
счастье и порядок**

«Strelka Press»

2013

Трудолюбов М.

Русский ордер: архитектура, счастье и порядок /
М. Трудолюбов — «Strelka Press», 2013

В постсоветском «русском ордере» есть элементы и дореволюционного, и сталинского, и, шире, советского режимов. В «постсоветском ордере», как и в советском, стоимость доминирует над эстетикой. Разница в том, что стоимость теперь должна быть максимально высокой, а не максимально низкой, как во времена массового жилого строительства. Жилье – это актив. Для большинства граждан – это в первую очередь единственный капитал. Цена и ликвидность здесь важнее удобств, инфраструктуры и архитектурных качеств постройки. Эстетики этот ордер не предполагает. Моральное измерение и вопрос недостаточной легитимности собственности, возможно, бросают тень на рублевские усадьбы и «элитные» квартиры, но не на массовое жилье. Снять вопрос о легитимности и праве, реализовать свою любовь к прекрасному возможно, но только если вы готовы жить за пределами страны. Сама эта возможность – тоже необходимый структурный элемент нового «русского ордера».

Содержание

1. Проект, в котором мы живем	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Максим Трудолюбов

Русский ордер: архитектура, счастье и порядок

1. Проект, в котором мы живем

Дома обозначают пространство – они, как вежи, оказываются обычно в самых важных местах: на холме, у озера, в излучине реки. А в городе дома – это и есть само пространство. Мы не знаем, как бы оно выглядело без них. Они и есть та среда, в которой мы живем. Мы ходим и ездим по линиям-улицам вдоль домов, поднимаем глаза и разглядываем их. Внутри дома мы передвигаемся так, как нам предписано архитектором. Мы ходим по нарисованному плану – дверь, коридор, комната. Мы поднимаемся по лестнице под определенным углом или идем вверх по спирали, если лестница винтовая. Летим вертикально вверх, если это лифт. Внутреннее устройство влияет на наше поведение, помогает или мешает нам. Пространство внутри дома как будто бы образует течения, так что из одних комнат нас выталкивает, а в другие мы сбиваемся вместе.

А что, если внешнего пространства нет? У меня, например, его не было. Из-за того что оно состояло из одинаковых домов, ровно таких же, как в соседнем микрорайоне, оно не закрепилось в детской памяти. Внутри все помню, снаружи – ничего. Помню, пожалуй, только пруд около дома, потому что пруд был нашей достопримечательностью. Мы ездили посмотреть на дома в центр города – как в музей. Там был город, где можно было ходить, но нельзя жить (я не мог представить, что на Кропоткинской можно жить!). А у нас можно было жить, но неинтересно было ходить – нужно было только дойти до подъезда и исчезнуть в нем. Я не мог, например, серьезно относиться к попыткам завести клумбу около подъезда – мне было жалко этих цветов в маленьком цементном углублении. Мимо них, мимо бабушки, сидящей у входа, хотелось скорее пройти и оказаться внутри. Для меня, как и для многих, наверное, кто вырос в многоэтажном доме, главным было внутреннее пространство.

Оно, конечно, было очень простое, это пространство. Архитектор, точнее – инженер, который его «рисовал», был стеснен в средствах – никаких винтовых лестниц или эркеров. Мы жили в ячейке, в точно такой же, как и все вокруг. Для меня было естественно, что квартира моего лучшего друга, где я проводил почти столько же времени, сколько у себя, была такая же. Совсем такая же – вплоть до того, что вешалка в коридоре была такая же, лампы – такие же, книжные полки стояли на том же месте, и книги, стоявшие на этих полках, были почти те же.

Эта жизнь, у которой не было внешней стороны, была счастьем для моих дедушек и бабушек. Я помню рассказы про вселение в девятиэтажку. Квартира была лучше, чем комната в коммуналке или в бараке, – гораздо лучше. Эта квартира несла благую весть: за вами не будут подглядывать, вы сможете ходить в туалет тогда, когда захотите, вы сможете мыться в *собственной* ванной. Из мира, где нет частного, а есть только публичное, вы попали в собственный дом. В нем можно спрятаться, пусть это и ячейка, собранная из панелей, сделанных на домостроительном комбинате. В любом случае, это единственный выход: «Закон экономии властно управляет нашими действиями и мыслями. Проблема дома – это проблема эпохи. От нее ныне зависит социальное равновесие. Первая задача архитектуры в эпоху обновления – произвести переоценку ценностей, переоценку составных элементов дома. Серия основана на анализе и эксперименте. Тяжелая индустрия должна заняться разработкой и массовым производством типовых элементов дома. Надо повсеместно внедрить дух серийности, серийного домостроения, утвердить понятие дома как промышленного изделия массового производства,

вызвать стремление жить в таком доме. Если мы вырвем из своего сердца и разума застывшее понятие дома и рассмотрим вопрос с критической и объективной точек зрения, мы придем к дому-машине, промышленному изделию, здоровому (и в моральном отношении) и прекрасному, как прекрасны рабочие инструменты, что неразлучны с нашей жизнью»¹.

Это Ле Корбюзье писал в 1920-е годы. Это он противопоставил архитекторов и инженеров. Он писал, что архитекторам, забывшим об изначальном предназначении жилища, увлекшимся декором, предстояло умалиться. Им скоро нечего будет делать: «У нас больше нет средств на возведение исторических сувениров». А инженерам, наоборот, предстояло расти и взять в свои руки бразды правления человеческим общежитием. Он, конечно, не мог и предположить, насколько крепко инженеры возьмут в свои руки бразды правления общежитием в далекой России. Не мог и подумать, что еще при его жизни, в 1960-е годы, благодаря индустриализации строительства, проведенной Никитой Хрущевым, возникнет целое общество, растущее и воспитывающееся в «домах – промышленных изделиях».

Мы и стали этим обществом. «Властный закон экономии» перевели на язык постановлений ЦК КПСС: «Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР отмечают, что в работах многих архитекторов и проектных организаций получила широкое распространение внешнепоказная сторона архитектуры, изобилующая большими излишествами, что не соответствует линии Партии и Правительства в архитектурно-строительном деле». Появившаяся благодаря этой новой линии пятиэтажка, срисованная в 1950-х годов инженером Виталием Лагутенко с французского типового проекта, стала спасением для миллионов людей²

¹ Ле Корбюзье. К архитектуре // Ле Корбюзье. Архитектура XX века. М.: Прогресс, 1977. С. 12.

² Дорогой наш Никита Сергеевич: [Беседа с Г. Ревзиным] // Echo.msk.ru. 2010. 20 июня [<http://echo.msk.ru/programs/hrushev/687897-echo/>].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.